

And, in the end,

the love you take is equal to the love you make.

(И под конец,

Любви ты ровно столько обретешь, сколько сам любви подаришь.)

Битлз, "The End"

Когда мне впервые рассказали о том, что я могу продать свою жизнь, то сразу вспомнил про урок этики в школе.

Мы были тогда десятилетними детьми, которые не умели думать своей головой. Наш учитель, женщина лет тридцати, спросила класс о чем-то в таком духе:

- Вам всегда говорили, что жизнь человека это нечто незаменимое. Она ценнее, чем что-либо. А теперь, если выразить ее в денежном эквиваленте, сколько, как думаете, она бы стоила?

Учитель встала в задумчивую позу. По мне неправильно она задает вопросы. Учительница замолчала на добрых двадцать секунд. Все еще держа в руке мел, она спиной к ученикам уставилась на доску. В это время класс усердно размышлял над вопросом. Многим нравилась молодая и милая учительница. Так что они хотели подходяще ответить, чтобы сделать ей комплимент.

Одна всезнайка подняла руку:

- В одной книге я читала, что за всю жизнь служащий тратит от двухсот до трехсот миллионов иен. Поэтому, считаю, что стоимость жизни обычного человека где-то в этом диапазоне.

Часть класса захохала и заахала. Другая выражала скуку и выглядела сытой подобным по горло. Большинство учеников ненавидело девочку.

Учительница выдавила улыбку:

- Конечно, правильно. Быть может, взрослые ответили бы также. Можно сказать, что стоимость жизни равна потраченным за нее деньгам. Но хотелось бы мне, чтобы вы отошли от

подобного образа мышления... знаю. Давайте сделаем по-другому. Обычно аллегории трудны для понимания.

Никто не понимал, что учительница рисовала на доске синим мелом. Можно было увидеть в нем человека, а можно и след жвачки на дороге.

Но она рисовала именно то, что хотела.

– Это “Нечто неизвестного происхождения”. У него больше денег, чем когда-нибудь ему может понадобиться. Оно жаждет жить, как человек. Поэтому пытается купить чью-нибудь жизнь. Однажды вы пройдете рядом с ним. И тогда оно спросит: “Эй, не желаешь ли ты продать свои годы, которые собираешься прожить?”

На этом моменте она прервала рассказ.

– Что случится, если согласиться? – поднял руку чересчур серьезный мальчик.

– Умрешь, естественно, – отрезала учительница. – Пока ты отказываешь ему, но оно всё цепляется к тебе. “Достаточно и половины. Продай мне тридцать из шестидесяти оставшихся лет. Мне очень нужно. Понимаешь?”

Помню, как слушал ее рассказ, рукой подперев подбородок. “Понятно”. И впрямь, случись такое, у меня может появиться желание продать свои годы. У меня есть предел. И очевидно, что насыщенная и короткая жизнь будет предпочтительнее пустой и длинной.

– И еще задание. Этому нечто, желающему жить человеческой жизнью, необходимо как-то оценить стоимость года вашей жизни... Сразу говорю, верного ответа нет. Я хочу узнать, что вы думаете по этому поводу и как пришли к ответу. Теперь обсудите это с соседями.

В классе из-за разговоров поднялся гул. Но участия в этом я не принимал. Вернее, не мог принять.

Потому что такой умник, как я – единственный из этого класса никчемных мерзких типов, способный найти ответ на вопрос о ценности жизни.

Я сделал вид, что меня это не интересует. И просто ждал, когда пройдет время.

Мне довелось услышать, о чем говорила компания передо мной.

– Вся жизнь около трехсот миллионов...

Тогда я подумал. Если их жизни по триста миллионов, то...

Думаю, окажется не странным, что моя будет стоить три миллиарда.

Уже не упомню, на что было похоже обсуждение. А то, что спор от начала до конца был безрезультатный, это вполне очевидно.

Такая тема действительно совсем не простая для учеников начальной школы. А будь это кучка старшеклассников, то они бы как-нибудь да замешали сюда секс.

По крайней мере, прекрасно помню девчонку с мрачными перспективами, которая яростно настаивала на своем:

- Нельзя назначить цену человеческой жизни.

Ага. Если бы продавали возможность прожить той же жизнью, как у нее. Думаю, тогда бы я не назначил ей цену. Вообще, даже спросил бы плату за утилизацию.

Шут-остряк, который найдется в каждом классе, видимо, рассуждал схожим образом:

- Если бы появился шанс прожить мою жизнь, вы, ребята, даже не заплатили бы и трех сотен иен, - сказал он, рассмешив других.

Я бы согласился с его суждениями, если бы меня не раздражало кое-что. Мальчишка знал, что стоил бы гораздо больше окружающей его кучи серьезных людей. В то же время он над этим самокритично смеялся.

К слову, учительница сказала, что верного ответа нет. Однако своего рода правильный ответ существовал.

Потому что спустя десять лет, когда мне было двадцать, я действительно продал свою жизнь. И получил ее стоимость.

Думаю, будучи ребенком, я хотел стать кем-то известным. Считал, что буду впереди всех и преуспею по сравнению со сверстниками. Но я живу в чертовом месте. Здесь нормально, когда унылые, безнадёжные родители рожают унылых, безнадёжных детей, которые повторяют ту же ошибку.

Я смотрел на детей вокруг себя свысока. Я не мог похвастаться ни способностями, ни скромностью. Так что, само собой, одноклассники были черствыми со мной.

Нередко я выпадал из компаний. А мои вещи забирали и прятали.

Мне всегда удавалось получать высокие баллы на тестах. Но я был не единственный такой.

Да. Так могла и Химено. Вышеупомянутая “всезнайка”.

Благодаря Химено я не мог быть по-настоящему номером один. А благодаря мне по-настоящему первой не могла стать и она.

Поэтому, по крайней мере, выглядело так, что мы соперничаем. Или что-то типа того. Мы только и думали о том, как обогнать друг друга.

Но с другой стороны, очевидно, что только мы понимали друг друга. Она единственная понимала всегда, о чем я говорю. Без недопонимания. Быть может, и я ее тоже.

Поэтому мы, в конце концов, были всегда вместе.

Начать с того, что наши дома стояли почти напротив. Так что мы с раннего детства играли вместе. Думаю, здесь подойдет выражение “друг детства”.

Наши родители общались. До того, как мы пошли в начальную школу, обо мне заботились в ее доме, когда мои родители были заняты. И в нашем доме заботились о Химено, когда ее родители были заняты.

Мы видели себя соперниками. Однако между нами существовала негласная договоренность: перед родителями вести себя по-дружески.

Так сказать, особых причин не было. Мы просто думали, что это наилучший выход.

Тайно наши отношения состояли из пинков и щипков. По крайней мере, перед родителями мы выглядели приветливыми друзьями детства.

Но знаете. Возможно, это было действительно правдой.

Одноклассники не любили Химено по тем же причинам, что и меня. Она была уверена в своих интеллектуальных способностях. Поэтому Химено смотрела на людей вокруг свысока. Из-за такого наглого поведения ее игнорировали в классе.

Наши дома стояли на вершине холма вдалеке от домов одноклассников.

Нам повезло. Мы могли пользоваться расстоянием как предлогом остаться дома. Вместо того,

чтобы ходить в гости к друзьям.

Лишь умирая со скуки, мы ходили друг к другу. Неохотно. Гримасничая, мол "Я здесь не потому, что хочу".

Во время летнего фестиваля и Рождества, чтобы не заставлять родителей волноваться, я и Химено проводили время вместе. Когда проходили занятия или мероприятия с родителями, мы делали вид, что ладим.

Я полагал, что быть с ненавистным другом детства куда предпочтительнее, чем добиваться благосклонности слабоумных одноклассников.

Школа для нас – то место, где умерла наша целеустремленность. Частые доставания нас с Химено стали проблемой. И мы собирали классный совет.

Женщина, которая обучала класс с четвертого по шестой год, догадывалась об этой проблеме. И покуда это не стало еще хуже, оберегала нас от того, чтобы рассказать обо всем родителям.

Действительно. Узнай наши родители, что нас обижают, ситуация не изменилась бы. Наша учительница это понимала. У нас должно быть хоть одно место, где мы можем забыть о жестоком отношении к нам.

В любом случае, нас это достало. Также к нам относились и одноклассники. Я несколько устал от того, что мы не могли построить иных отношений.

Главная для нас проблема – мы не умеем нормально улыбаться. У меня не получалось смеяться одновременно со всеми.

Когда я пытался напрячь мышцы лица, то чувствовал, как будто все мое "я" сходит на нет. Должно быть, Химено ощущала то же самое.

Даже в ситуациях, когда необходимо показать одобрительную улыбку, мы и бровью не поводили. Надо сказать, что не могли этого сделать.

Поэтому нас всегда дразнили, когда мы важничали или нахально себя вели. Мы и на самом деле были дерзкими и важными.

Но это не единственная причина, почему мы не смеялись с остальными. Мы с Химено были иными на более фундаментальном уровне. Слово цветы, пытающиеся цвести в другое время года.

Наше десятое лето. Химено несла сумку, которую выбрасывали в мусорку десятки раз. На мне

была надета обувь с множеством надрезов ножницами. Мы сидели на ступенях храма, закатом окрасившегося в красный. И чего-то ждали.

Заняв там место, мы могли наблюдать за фестивалем. Узкая дорожка к храму была заполнена тележками. Напрямик тянулись два ряда бумажных фонариков. Заливая все вокруг тусклым красным светом, они походили на огни взлетной полосы.

Мы оба молчали. Потому что знали, что открой рот, наши голоса так бы и полились. Терпеливо мы сидели у храма, держа язык за зубами.

Химено и я сидели и ждали, когда появится нечто, что признает наше существование и полностью нас поймет.

Мы расположились у храма, вокруг которого непрерывно стрекотали цикады. Так что, вполне вероятно, что мы молились.

Когда солнце наполовину село, Химено неожиданно встала. Она отряхнула юбку и устремила взгляд вперед.

- Наше будущее будет по-настоящему замечательное, - сказала Химено своим ясным голосом. Она будто констатировала факт, который только что поняла.

- О насколько далеком будущем ты говоришь? - спросил я.

- Не скоро, думаю. Но и не совсем далеком. Может быть, лет через десять.

- Десять лет, - повторил я. - Нам будет тогда по двадцать.

Для десятилетних нас это казалось по-настоящему взрослым возрастом. Так что я ощутил в утверждении Химено некоторую долю правды.

Она продолжила:

- Да. Нечто определенно случится летом. Что-то хорошее с нами произойдет через десять лет. Тогда мы, наконец-то, почувствуем радость от того, что жили. Станем богаты и популярны. Оглядываясь на времена начальной школы, мы скажем: "Эта школа ничего нам не дала. Ученики в ней были такими тупицами. Учить их было ничем иным, как ошибкой. Реально отвратительная начальная школа".

- Ага. Правда, полная дураков. Действительно отвратная.

Эта точка зрения для тогдашнего меня была скорее новой. Для младшеклассников школа – весь их мир. Поэтому для меня такие вещи были немыслимы.

– За эти десять лет, мы должны будем стать очень богатыми и знаменитыми. Настолько знаменитыми, что одноклассники умрут от зависти.

– Они будут кусать губы от зависти, – согласился я с ней.

– А если нет, то это ничего не стоит, – улыбнулась Химено.

Я не посчитал это утешением. Когда она произнесла те слова, я почти был уверен. Такое будущее нам гарантировано. Это отозвалось видением.

Может, нам не обязательно становиться знаменитыми. Но за эти десять лет мы восторжествуем над одноклассниками. Мы заставим их до самой смерти жалеть о том, как они с нами обошлись.

– ...Все-таки, должно быть, это здорово быть двадцатилетними, – сказала Химено и поставила руки за спину. Она посмотрела на закатное небо. – Двадцать через десять лет...

– Мы сможем пить. Курить. И пожениться. Подожди, это можно будет раньше, – сказал я.

– Верно. Девочки могут выйти замуж в шестнадцать.

– А мальчики в восемнадцать... Правда, чувствую, я не смогу никогда жениться.

– Почему?

– Мне много всего не нравится. Я ненавижу множество происходящих в этом мире вещей. Поэтому не думаю, что смогу сохранить брак.

– Да. Со мной то же самое, – Химено опустила голову.

Окрашенное светом заката ее выражение казалось иным. Более зрелое. Но такое беззащитное.

– Слушай, – сказала Химено, глядя мне в глаза, но потом быстро отвернулась. – Когда нам будет двадцать. И мы станем популярными... если, как бы это не было позорно, мы не найдем себе пару...

Она тихо откашлялась.

- Если такое случится... И мы оба останемся на задворках общества. Не хотел бы ты остаться со мной?

Изменения в голосе выдавали ее смущение. Даже тогда я это прекрасно понимал.

- Что это было? - вежливо спросил я.

- ...Шутка. Забудь. - Химено рассмеялась, словно отталкивая сказанное. - Просто сама это хотела услышать. Как будто я останусь никому не нужной!

Это хорошо. И я рассмеялся.

Знаю, прозвучит очень глупо. Но даже после того, как наши с Химено пути разошлись, я помнил о данном обещании.

Поэтому, когда даже очаровательная девушка выражала свою симпатию, я неминуемо отказывал ей.

В средней школе. И в старшей. Даже в колледже.

Но встретившись с Химено снова, она увидит, что я все еще одинок.

По сути, да. Считаю это глупым.

Уже десять лет кануло с того момента.

Оглядываясь назад, я думаю, те времена были по-своему чудесные.

Авторы перевода - NHT, Voiceover

<http://tl.rulate.ru/book/367/56858>